

ГЛАВА 1

Ветер влетел в дом со стороны бухты, подхватил нас с Дэйзи и понес по ее ист-эггскому особняку, как пушинки одуванчика, как пену, как двух одетых в белые платья молодых женщин, не отягощенных заботами.

Июнь только начался, но лето уже грузно легло на землю, угрожая мягко и тяжело придавить нас к паркету. Спускаться к воде, где соленый воздух был еще тяжелее, стало неважноту, а длинная поездка в город казалась до обидного невозможной.

Вместо этого Дэйзи вскрыла маленький талисман, купленный по минутной прихоти в Каннах несколько мимолетных лет назад. Этот талисман из обожженной глины представлял собой фигурку женщины, и, когда Дэйзи пальцами разломала его на несколько кусочков, он испустил подвальный запах свежего каолина,

смешанного с чем-то темно-зеленым и травяным. Налетевший ветер был совсем иного свойства, и мы, поднявшись в воздух, с томной грацией поплыли под высокими потолками дома Дэйзи, ахая от непривычных ощущений и секретов, обнаруженных наверху. Достаточно было легких движений рук или ног, чтобы продвигаться вперед в воздухе — поначалу плавно, а потом набирая скорость рывками, отталкиваясь от каминных полок и колонн.

Над книжными шкафами в библиотеке мы обнаружили весьма шокирующую миниатюру с Ледой и лебедем, а над головами двух горничных пролетели так тихо, что могли бы щелчком сбить с них крахмальные чепцы прежде, чем они успели бы увидеть нас и поднять визг. В детской, где спала Пэмми, мы воспарили под потолок, как слегка взъерошенные ангелы-хранители. Дэйзи потянулась к личику дочери, осторожно коснулась его пальцем, но, едва малышка пошевелилась, Дэйзи бросилась наутек, увлекая меня за собой вон из комнаты.

Лето сделало особняк в тот день немым, и мы нарушали это безмолвие, перебираясь из одного уголка в другой, пока не очутились в одной из гостевых комнат неподалеку от той, которую занимала я. Обтянутые бледно-зеленым дамастом стены придавали этой комнате сходство с лесом, впитывая все, кроме наслаждения быть невесомым. Я парила на спине, поглаживая кончиками пальцев козырек оконной рамы и не сводя глаз с залива за стеклом. Невозможно было вообразить эту воду холодной, но я пыталась в полудреме, свесив согнутые в коленях ноги и положив одну руку на грудь. Я уже почти заснула, когда Дэйзи заговорила:

— О, только посмотри, Джордан. Как думаешь, этот цвет мне к лицу?

Она схватила с платяного шкафа эмалевый горшочек размером не больше полдоллара со Свободой. С пробудившимся ленивым любопытством я подплыла поближе.

— Кому он принадлежал? — задумалась я вслух.

— А какая разница? — весело отозвалась она и была права, потому что они с Томом приобрели в полную собственность поместье целиком — вместе с раскинувшимся до самого пляжа участком, конюшнями, призраками и историей.

Она открыла горшочек и увидела смесь воска и пигмента, пыльно-темную и бесцветную — до тех пор, пока она не согрела ее, несколько раз с нажимом проведя большим пальцем. Немного этой смеси она нанесла сначала на нижнюю губу, потом на верхнюю и зависла вверх ногами перед туалетным столиком, изучая свое отражение. Когда я подплыла ближе и увидела, что ее губы стали темно-розовыми, она притянула меня и нарисовала губы и мне.

— Смотри, мы похожи, — сказала она и потянула меня вниз, чтобы вместе со мной посмотреть в зеркало, но мы, конечно, выглядели по-разному. Она происходила из рода луисвиллских Фэй, настолько близкого к королевскому, насколько это в принципе возможно в Соединенных Штатах, и это было заметно по ее темно-голубым глазам, гладким черным волосам и щедрой широкой улыбке. Я же формально принадлежу к луисвиллским Бейкерам — фамилии с собственной выдающейся историей, но странно сидящей на мне, удочеренной из далекого Тонкина обладательнице лица,

которое заставляет подозревать во мне китайнку, японку, мексиканку, венесуэлку и даже персиянку.

На Дэйзи помада смотрелась старомодно, старила ее, а на мне подчеркнула красноту губ, приобрела оттенок роз, а не томатов, более яркий и живой. Дэйзи с удовольствием отметила разницу и сунула горшочек мне в карман, заявив, что он, конечно же, должен принадлежать мне.

Она не спешила убрать ладонь с моего бедра, обе мы зависли вверх ногами перед зеркалом. Дэйзи застыла в напряженной неподвижности — такие моменты случались иногда в ее детстве, а с возрастом сделались совсем редкими. При этом ее прелестное лицо обмякло, и его странная впалость указывала, что угнездиться внутри за ее глазами могло что угодно.

— Как хорошо, что ты приехала после моего звонка, — с легкой заминкой произнесла она. — Не представляю, что бы я без тебя делала.

— Видимо, была бы убита горем и страдала по мне, — живо откликнулась я, и она с облегчением улыбнулась.

Мы обе вскинули головы, услышав далекий стук входной двери, а потом — более громкий, гулкий и настойчивый низкий голос Тома. На лице Дэйзи мелькнул испуг, словно она позабыла о существовании мира, где мы не парим под потолком ее огромного дома, и взяла меня за руку.

— Ах да, ну конечно, — заговорила она, увлекая меня к двери. — Мы же условились, что сегодня к ужину прибудет мой кузен. Пойдем же, дорогая, обещаю, ты сочтешь его совершенно очаровательным.

— Ну, раз ты так говоришь, уверена, таков он и есть.

Это было излюбленное занятие Дэйзи — сводить своих друзей и устанавливать связи между представителями определенного круга. Она славилась подобным умением, оставляя за собой шлейф из множества в разной степени счастливых пар и младенцев, названных в ее честь. Я же всегда была для нее чем-то вроде фиаско, но решила, что это скорее забавляет меня, нежели вызывает еще какие-то чувства. Так или иначе, мне хорошо жилось и одной — и в Луисвилле, и теперь, все эти годы с тех пор, как я перебралась в Нью-Йорк.

Мы вернулись на высокую солнечную веранду, откуда начали полет, и устроились на исполинской кушетке в центре комнаты. Встрепанные волосы мы успели пригладить, платья оправили за считанные секунды до того, как в дверях возник Том. За ним с легким оттенком нежелания следовал поджарый молодой человек в рубашке, с пиджаком, переброшенным через руку, и быстрыми темными глазами, которыми он обводил с интересом все, что видел вокруг.

Он вошел с непринужденной улыбкой и явной неприязнью к Тому, чем сразу мне понравился. На меня он посмотрел внимательно, но долго глазеть не стал, а опустился на колени возле того конца тахты, который занимала Дэйзи, выказывая ей почтение, как она особенно любила. Разговорившись о времени, проведенном ими в Чикаго, они предоставили мне возможность заняться тем, что особенно любила я, то есть невозмутимо наблюдать издалека, прежде чем воспользоваться случаем вступить в разговор. Том, который мялся неподалеку, наконец встрял в их беседу с вопросом о том, чем занимается кузен Дэйзи, и я услышала его имя — Ник. Ник Каррауэй, единственный сын Каррауэев

из Сент-Пола, герой войны, видимо, слегка неприкаянный после возвращения из-за океана.

Мне смутно припомнилось, что я слышала о каких-то неладах между ним и девушкой из Сент-Пола (какой-то Морган или Талли), что-то непристойное, а посмотришь на него, и кажется, он воды не замутит. Выглядел он благовоспитанным человеком, хотя, конечно, наверняка никогда не угадаешь.

Странно, что Том, похоже, не замечал шпилек в словах Ника, обращенных к нему, — шпилек, от которых поблескивали глаза Дэйзи. Ехидство под прикрытием хороших манер, и это мне даже понравилось. Человек, у которого есть хватка, гораздо интереснее героя войны, и мне подумалось, что многие, скорее всего, не подозревают, каков Ник на самом деле.

Когда он в очередной раз уколол мужа Дэйзи, вынудив его фыркнуть и резко возразить, я со смехом села.

— Факт! — согласно произнесла я, предоставляя Нику возможность рассмотреть меня как следует. Улыбнувшись, я оторвалась от дивана и предстала перед Ником. На мне были низкие лодочки из серой замши, на шпильках которых я приобретала шегольскую военную выправку; расправив плечи так, что их чуть не свело судорогой, я заметила, как он на мгновение с легкой улыбкой отвел глаза.

Вошел дворецкий с четырьмя высокими бокалами, полными чего-то вкусного на вид, и, когда Дэйзи что-то шепнула ему, добавил в каждый стакан из флакона, вырезанного из горного хрусталя, по две гранатово-красных капли.

— У меня тренировка, — со вздохом сожаления заметила я, но все же взяла свой бокал и с признательностью

пригубила его. Коктейль оказался хорош — Бьюкенены не из тех, кто экономит на самом важном, и они не изменяли этому правилу, когда речь заходила о демоники. Запрет на кровь демонов ввели всего за четыре месяца до запрета на спиртное, и теперь, спустя два года, ценные винтажи исчезли даже из лучших клубов Манхэттена.

Дэйзи облизывалась, как довольная кошка, и даже Том потягивал свой напиток с оттенком хмурого почтения к его качеству. Ник пил опасно, и я вспомнила, что Средний Запад нарвался на сухой закон быстрее и охотнее, чем мы, все остальные. Демоник был более старинным и роскошным, чем даже тот, который тетушка Джастина хранила тщательно запертым в нашей квартире на Парк-авеню. Он обжигал губы и согревал горло, и я представляла, как выдыхаю пламя, похожее на мерцающие язычки свечей. Легенда гласит, что демоник способен превратить благопристойных людей в тиранов, но мне он лишь слегка прибавлял злости.

— Допейте, — посоветовала я Нику. — Здесь не Сент-Пол. Вы теперь в Нью-Йорке, даже если живете в Уэст-Эгге.

Он медленно поморгал, глядя на меня со все той же легкой улыбкой, застывшей на лице.

— Живу, хотя я там никого не знаю.

— Я же знаю, — отозвалась я. — И вы наверняка. Не может быть, чтоб вы не знали Гэтсби.

— Гэтсби? Какой это Гэтсби? — Дэйзи заморгала, глядя на меня.

Ее глаза с расширенными зрачками казались почти черными, с нижней губы она слизала часть помады. Я уже собиралась поддразнить ее, заметив, что кровь

демона действует на нее еще сильнее, чем на Ника, когда объявили, что ужин подан.

Дэйзи поспешила взять меня под руку, оттеснив от Ника и Тома так ловко, как сделала бы пастушья собака, и, когда она наклонилась ко мне, я уловила в ее дыхании демоник — запах горького миндаля и лимонной глазури.

— Мне надо поговорить с Ником. Наедине, понимаешь? — у нее заплетался язык, я удивленно взглянула на нее. Она говорила, словно во хмелю, и даже слегка пошатывалась. Насколько мне было известно, допьяна она напилась всего один раз в жизни. Мрак в ее глазах и легкую неуверенность в походке вызвало что-то другое, и я поспешила с ней согласиться.

За ужином Дэйзи была сама нервозность и трепет, рассеянно задувала свечи, только чтобы слуги зажигали их вновь, когда она отворачивалась. Том не обращал на нее внимания, но я видела, что Ник беспокоится все сильнее, переводя взгляд с Дэйзи на меня и обратно, словно убеждаясь, что в этом и кроется объяснение. Но там его не крылось, как и в чем-либо другом, и почти облегчением стало невинное замечание, отпущенное Ником о цивилизации, после чего Том с азартом ринулся вдогонку за своим любимым коньком. Он с силой тряс головой и раздувал ноздри, как какая-нибудь из его призовых лошадей для игры в поло.

— Цивилизация летит в тартарары, — сердито объявил он всем нам. — Вы читали «Цветные империи на подъеме» этого... как его... Годдарда? Великолепная книга, ее каждый должен прочесть. Суть вот в чем: если мы не будем настороже, белая раса... ну, словом, ее поглотят. И все объясняется по науке, все доказано.

— Том у нас становится мыслителем, — важно сказала Дэйзи. — Он читает разные умные книги с такими длиннющими словами.

Ник переводил взгляд с одного на другого, словно не знал, как отнестись к услышанному, но успокоился, когда я незаметно для Тома подмигнула ему через стол.

— Этот малый развивает свою мысль до конца, — продолжал Том, тыкая пальцем в белую скатерть. — От нас, господствующей расы, зависит не допустить, чтобы другие расы взяли верх.

— Вам, конечно, надлежит нас окоротить, — сухо заметила я, и Ник усмехнулся, прикрыв рот салфеткой.

Том круто выгнул шею и подозрительно воззрился на меня, словно не был уверен, что я имею в виду, а Дэйзи рядом со мной хихикнула несколько истерически, хотя во всем этом разговоре для нас не было ничего нового.

— Дело в том, Джордан, что мы представители нордической расы и мы создали все, что составляет цивилизацию, — ну, науку, искусство и все в этом роде. Вот что призван защитить Манчестерский закон, понятно?

На это я могла бы дать с десятков ответов — от наименее резкого до прямо-таки убийственного, — но тут затрещал телефон, и дворецкий явился доложить Тому, что ему звонят. Том вышел, слегка растерянный и раздраженный, а у Дэйзи сам собой открылся и снова закрылся рот.

Надвигающуюся катастрофу она предотвратила, оставив Ника под воздействием своих голубых глаз, достоянием семьи Фэй. За годы знакомства я уже свыклась с ними, а Ник — определенно нет. Его вид стал

слегка оторопелым, когда она придвинулась ближе. Голос Дэйзи взвился выше обычного, стал чуть ли не пронзительным, но в то же время зазвучал застенчиво и вместе с тем вразумительно.

— Мне так приятно видеть тебя за моим столом, Ник. Ты напоминаешь мне... розу, настоящую розу. Ведь правда же? — Дэйзи повернулась ко мне, плавно всплеснув рукой — жест фокусника, извлекающего розу из солдата. — Настоящая роза?

На розу он ничуть не походил, но я все равно кивнула, настороженно наблюдая за Дэйзи. Ее маленькая ручка сжалась в кулак рядом с полусъеденной рыбой, и я увидела ссадины на костяшках — те самые, которые оставил Том днем ранее, слишком резко схватив ее за руку.

— Дэйзи... — начала я, но она бросила салфетку на стол и без каких-либо объяснений удалилась вслед за Томом, оставив меня с Ником вдвоем.

— Так вы упомянули моего соседа Гэтсби... — начал Ник, но я вскинула руку.

— Тише.

Мои плечи и спина затвердели как дерево, слух напрягся, словно натянутые струны рояля: я прислушивалась к тому, что творилось в соседней комнате, где находился телефон.

— Да что же такое происходит? — спросил явно озадаченный Ник. Может, в Сент-Поле дела обстояли иначе, а может, он разыгрывал наивность лучше любой дебютантки, с какой мне доводилось встречаться. Впрочем, мне было все равно.

— А что может происходить, когда подружка звонит мужчине как раз в то время, когда тот ужинает со своей женой? — отрывисто ответила я. — Он мог бы ради

приличия не бежать к телефону хотя бы из-за стола, вам не кажется?

Ник промолчал.

Они вернулись — Том как грозовая туча и Дэйзи, руки которой трепетали, как пойманные пичужки. Я пристально посмотрела на нее. Она слишком разурмянилась, но волосы были по-прежнему тщательно уложены, и на щеке не проступал отпечаток ладони.

— Так уж вышло, — воскликнула она со стеклянным блеском в глазах, розовея щеками. — А я выглянула на минутку — снаружи так романтично. На лужайке птица — должно быть, соловей, прибывший рейсом «Кунарда» или «Уайт Стар Лайна». И поет-заливается... так романтично — правда, Том?

Том что-то согласно пробурчал, затем завел разговор о своих треклятых лошадях, и тут снова зазвонил телефон. На этот раз Том не отошел от ужина, только его лицо побагровело, а Дэйзи заговорила еще оживленнее и казалась хрупкой, как стекло. Я и, к его чести, Ник попытались заполнить время до конца ужина болтовней о наших знакомых (многочисленных) и о том, что у нас нашлось общего (почти ничего).

Телефон зазвонил еще раз, пока мы доедали десерт, но к тому моменту, как мы встали из-за стола, умолк. Том повел Ника к конюшне, а Дэйзи взяла меня за прохладную руку горячими пальцами.

— Запомни, — прошипела она, словно оракул из какого-нибудь готического романа, и я кивнула.

— Том, ты уже видел новую вещицу Эдгара Уоллеса, которую должны были напечатать сегодня в «Пост»? — спросила я. — Я еще нет и надеялась просмотреть сегодня перед сном.

ГЛАВА 2

Однажды ленивым летним вечером 1910 года во время званого ужина Дэйзи Фэй улизнула наверх, чтобы разыскать меня. По пути она ускользнула от прислуги, нанятой по такому случаю миссис Бейкер, прокралась, не скрипнув половицами, по коридору мимо зыбкого призрака Анабет Бейкер и не останавливалась до тех пор, пока не открыла дверь моей спальни.

Тот дом на Уиллоу-стрит выставили на продажу, когда мне было тридцать, и я вернулась туда, чтобы увидеть его в последний раз. Моя комната не изменилась со времен моего детства, а может, и со времен Элайзы Бейкер с ее фанатизмом и роковой хрупкостью, спавшей под кружевным розовым пологом и подолгу размышлявшей над атласами чужих стран. Эта постель всегда казалась слишком просторной, мягкой, как мятный

зефир, и мебели в спальне была присуща некая костяная тусклость, впечатление от которой не сглаживали даже полированные медные накладки. Я ничуть не расстроилась, увидев, как всю ее купили оптом, видимо, ей суждено было внушать ужас какому-нибудь другому ребенку.

От атласов Элайзы миссис Бейкер избавилась еще до моего приезда, так что из развлечений мне остались лишь нравоучительные книжки о детишках-паиньках, грызущих яблоки, плещущихся в ручьях и слушающихся родителей. Однако я обнаружила, что бумага в них приятно плотная, и в эту бежевую роскошь так и хочется вонзить острые ножницы. Поскольку в эти книги никто не заглядывал, кроме меня, я могла изрезать их, как мне заблагорассудится, начиная с конца, чтобы сделать мой вандализм не настолько заметным. Одни страницы я превратила в крошечные треугольнички и спрятала в зимние ботинки, стоящие в глубине стенового шкафа, другие украсила бахромой, как на платье девушки-ковбоя из шоу «Дикий Запад», на которое меня водили всего год назад.

Сегодня я старательно выстригала нимб над головой прилежной девчушки с корзинкой для рукоделия, когда дверь скрипнула и в комнату заглянула Дэйзи. Я застыла на кровати, рука с ножницами виновато замерла, а Дэйзи проскользнула внутрь, как вода сквозь решетку, и прикрыла за собой дверь.

— Ага! — произнесла она странно сипловатым голосом. — Значит, *ты* и есть язычница!

Я запихнула бумагу и ножницы под подушку и села так, что мои босые ноги свесились с края постели. На мне была батистовая ночнушка, отделанная лентами,

а на Дэйзи — нарядное короткое платьице из шуршащего розовато-сиреневого шелка. Ее аккуратные черные туфельки и темные чулки напомнили мне лисенка, которого я видела за домом однажды вечером, несколько дней назад. Как и тот лисенок, Дэйзи была совершенно бесстрашна — вошла ко мне, оглядела комнату и меня заодно невинными и алчными голубыми глазами. Тем вечером ей исполнилось десять лет, на два года больше, чем мне, согласно догадкам Элайзы Бейкер, и ровно столько же, сколько мне было на самом деле, хотя прошло немало времени, прежде чем я об этом узнала.

— Так я и думала, что увижу тебя сегодня, — продолжала она. — Мама говорила, ты точно такая же, как те, кто стирает нам белье, но ты же *не* такая, верно? Я вижу, ты на них совсем не похожа — ты какая-то *другая*...

Мне захотелось зажать уши ладонями, чтобы превратить поток ее слов. Миссис Бейкер в речах была прижимиста, судья — тем более. Образование я получала дома, у домашнего наставника, поэтому никогда прежде не слышала, чтобы кто-нибудь болтал без умолку, как Дэйзи. Я ответила скорее чтобы остановить ее, чем из желания поддержать разговор.

— Меня спасли из Тонкина, — сообщила я. — Мисс Элайза меня спасла. Когда я была маленькой.

Ее глаза сделались огромными и круглыми, как блюдца. Я увидела белки со всех сторон вокруг радужки, и мне вспомнилась обезумевшая лошадь. Небольшое расстояние, разделяющее нас, Дэйзи преодолела так привычно, словно находилась у себя в комнате, и схватила мою руку обеими руками. Ее пальцы были

горячими и мягкими. От нее слабо пахло цитрусом, перцем, сосной и мускусом — материнскими духами «Букет Бленхейма», скромно нанесенными за ее изящные ушки. Этот запах и заставил меня помедлить, прежде чем я оттолкнула ее, но в моем воображении он прочно прилип ко мне.

— О, *дорогая*, обязательно расскажи мне о Тонкине все-все! Я-то ведь родилась в скучном старом Луисвилле и вообще нигде не бывала! А про Тонкин я слышала. Папа знаком с людьми, которые вели там торговлю, когда еще французы им разрешали, и по рассказам он намного прекраснее, элегантнее и благороднее, чем Китай. Пожалуйста, расскажи мне!

— Я же была совсем крошкой... — заметила я, но, когда из ее глаз начал улетучиваться восторг, ощутила прилив отчаяния — бесформенного и бессловесного, но от этого не менее острого. Я крепко вцепилась ей в руку. Мне не хотелось оставаться одной.

Я вспомнила слова мисс Элайзы о том, что в раю повсюду на улицах золото, но до него никому нет дела. К тому времени она уже была не в силах встать с постели и шептала про рай так, словно видела его над самым пологом своей кровати и дотянулась бы до него, если бы только могла сесть.

— Он золотой, — выпалила я. — И крыши, и стены, и даже улицы. В полдень нам приходилось спать, потому что на солнце золото сияло так ярко, что мы могли ослепнуть.

— Золотой город?

Если бы я уловила в ее голосе хотя бы тень сомнения или враждебности, то расплакалась бы, пойманная на такой чудовищной лжи. Тонкин я совсем не помню

или, по крайней мере, уверила себя в этом, но если я что и знала наверняка, так это то, что он вовсе не золотой.

Но в ее глазах не было ничего, кроме чистого доверчивого восторга, и она придвинулась ближе, села рядом со мной на постель.

— Расскажи еще, — велела она, и я подчинилась.

Несмотря на то что мне давали читать только благопристойные книжки, в детстве я обладала неистовым воображением. Рассказывая Дэйзи о летающих воинах, которые одним взмахом меча сносили головы визжащим девам, о женщинах, разъезжающих верхом на слонах, и о двух лунах, поднимающихся по ночам в небо, я чувствовала себя иссушенной почвой, на которую наконец-то пролился дождь. Она сидела рядом, в задумчивости держала меня за руку и изредка проводила ноготками по линиям на моей ладони.

Выдохлась я наконец, когда рассказывала ей об огромных танцующих львах, тех самых, которых жрецы вырезают из плотной красной бумаги так искусно, что, когда наконец распадаются обрезки, можно увидеть круглые выпученные глаза, разинутые пасти и каждый тугой завиток на пышной гриве. За время моей паузы Дэйзи успела задуматься, потом потянулась, сунула руку под мою подушку и извлекла ножницы и изуродованную книжку с картинками.

— Покажи, — попросила она, и неизвестно почему я не сумела придумать никаких отговорок: не сказала, что танцующих львов разрешено вырезать только жрецам или что я слишком устала, слишком слаба, слишком юна для такой работы.

Вместо этого я потакала лжи, каждое мгновение ощущая груз внимательного взгляда ее голубых глаз

на моих руках. Вскоре мне придется сдаться, но не сейчас, пока между нами еще натянут хрупкий мостик чистого доверия и ожидания чуда.

Я открыла новую страницу в середине книги — на ней Джордж и Джейн наловили светлячков в банку с крышкой — и принялась вырезать. Даже в том возрасте я понимала, что скоро все будет кончено. Я вырежу из бумаги хлипкого, невзрачного льва, и Дэйзи поймет, что я обманщица.

Но почему-то этого не произошло.

Вместо этого, пока я выкраивала приблизительные контуры льва из умильных улыбок Джорджа и Джейн, мои руки двигались не менее, а все более уверенно, и казалось, будто свет моей маленькой лампы для чтения потускнел. В своей жизни я видела живого льва всего один раз, и это был беззубый и злобный зверь, привезенный в город дешевым цирком. Через два города после Луисвилла он убил малолетнего акробата, которому не повезло пройти слишком близко, и в глубине души я не удивилась. Мысленным взором я видела гривы, курчавые, как клубы пара, и вместе с тем — рыжий клубок шерсти, свалывшийся и плешивый. То, что я вырезала из плотной шероховатой бумаги, представляло собой нечто среднее, как и четыре лапы, заканчивающиеся изящно изогнутыми острыми когтями, хвост, завернутый на спину зверя, и изгибы мышц на львиных ляжках и плечах.

Я отмечала дыхание Дэйзи у меня над ухом, деликатное тиканье часов из позолоченной бронзы на каминной полке, далекие голоса гостей за ужином, внизу. Все это принадлежало другой стране, потому что, пока я выстригала бумагу вокруг львиных челюстей,

мои пальцы обдавало жарким дыханием. В нем ощущалось бремя кошачьего нетерпения, и я резала быстрее, мои движения становились небрежными и в то же время более плавными. Лезвия двигались по некой изогнутой линии, которую я не видела, а чувствовала. Один раз я была уже почти уверена, что все испортила, но тут длинный извилистый обрезок отвалился от фигуры, и лев обрел форму.

— Как красиво! — ахнула Дэйзи, когда я предъявила льва ей на оценку.

Даже одного этого оказалось бы достаточно. Но это, конечно, было еще не все.

Зажатый в моих тонких пальцах, бумажный лев задрожал, как на ветру. Он извивался, он плясал, и вскоре четыре вырезанные лапы замолотили воздух в поисках точки опоры, а потом задние лапы изогнулись дугой и оцарапали мне запястье. Лев был всего лишь бумажным, размерами меньше котенка, он просто не мог оцарапать меня, но барахтался так, что я невольно отшатнулась, уверенная, что, повернув руку, увижу на ней четыре тонкие царапины, выстроившиеся в ряд.

Дэйзи издала крик удивления, я прикусила язык. Мы увидели, как лев спорхнул на пол, приземлившись тяжелее, чем следовало бы бумаге. На мгновение он помедлил, словно был сбит с толку своей бумажной сущностью так же, как и мы, а потом подобрал под себя все четыре лапы и несколько раз повернулся на месте. Что-то изменилось, теперь он был не просто фигуркой из плотной бумаги и воплощением отчаянного желания ребенка заслужить одобрение. Он стал памятью о свирепом льве и далеких землях, в нем возникли дыхание, обида и стремление. Вырезанные мной

пустоты стремительно заполнялись мышцами и шерстью, и мы взирали на него, как замороженные, пока не заметили, что он еще и растет.

— Джордан! — вскрикнула Дэйзи, схватив меня за руку. Ее острые ногти вонзились в мое голое плечо, но я представляла, что делать, не больше, чем она. Мы уставились на существо, которое вращалось и росло прямо у наших ног, обе ощущали на лицах его жаркое и едкое дыхание, воняющее кровью ребенка-акробата, который летал над головами тысяч зрителей, но никогда не спал в настоящей постели.

В панике я метнула в существо ножницы, а увидев, что ничего этим не добились, плашмя сбросила на него книгу. Она подействовала: существо взорвалось жадным пламенем, из-под книги вырвался негодующий и яростный рев, заставивший нас обеих изумленно взвизгнуть.

Мы сидели с ногами на постели, я цеплялась за Дэйзи так, словно и не я одна все это натворила. И уже чуть не плакала, когда Дэйзи вдруг потянулась к тумбочке у моей кровати, на которой Томасина каждый вечер оставляла высокий стакан воды. Дэйзи схватила стакан и у меня на глазах, почти не глядя, вылила на пламя. Оранжевое пламя с пронзительным и злобным шипением отступило, пышными, как подушки, клубами повалил грязно-серый пар. Мы с Дэйзи застыли, крепко держась за руки и дружно склонив головы, не сводя глаз с тлеющей мешанины, которая еще недавно была движущимся, живым бумажным львом.

— Извини... — чуть не плача, пробормотала я, но она игриво усмехнулась мне.

— Ничего, это был удивительный...

И тут распахнулась дверь: миссис Бейкер и мать Дэйзи, а за ними — еще полдюжины нарядно одетых взрослых. Я тщетно подыскивала хоть какое-нибудь объяснение в надежде убедить их, что я не виновата, но Дэйзи оказалась сообразительнее.

Она разразилась громкими пронзительными рыданиями, моментально перейдя от оцепенения к страдальческим и трагическим воплям. Сидя плечом к плечу с ней, я почувствовала, как ее трясет, и вдруг с немым удивлением поняла, что она ничуть не притворяется.

Из коридора послышался рык, и в мою сахарно-розовую, полную дыма комнату ворвался, словно медведь на пасеку, мистер Фэй. Он сграбастал Дэйзи в объятия, она вцепилась в него так же крепко, как он схватил ее. Они переговаривались вполголоса на языке, который, как я узнала позже, знали только они, — это был шифр общей крови и красоты, осколки некой викторианской магии, которой мистер Фэй обучался в Йеле.

Он вынес всхлипывающую и дрожащую Дэйзи из моей комнаты, а тем временем миссис Бейкер наклонилась и опасливо потрогала пальцами сырую кашу, которая еще недавно была львом. Отхлынув, мой ужас обнажил неожиданное горе: лев ожил, а теперь исчез.

Миссис Бейкер выпрямилась, вытирая пальцы об один из моих носовых платков, лежавших неподалеку, и раздраженно взглянула на меня. Как я уже говорила, она была женщиной, скупой на слова. Этим словам предстояло градом острых камней обрушиться на меня утром, а сейчас она только повернулась к своим гостям, предлагая им пройти в гостиную, где их ждали атмосфера уюта и покоя и хороший портвейн.

Прежде чем уйти, она резким щелчком погасила лампу на моей тумбочке, а потом закрыла дверь, оставив меня в темноте, которая урчала от ярости и пахла мокрой ватой и жженой бумагой.